

Наталья Даниловна Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова, Россия

tashastrel@mail.ru

 0009-0002-0426-0515

<https://orcid.org/0009-0002-0426-0515>

Роман Захара Прилепина «Обитель» и традиции Ф.М. Достоевского

Izvorni znanstveni rad /

Original scientific paper

UDK 821.161.1.09Prilepin, Z.

821.161.1.09Dostoevskij, F. M.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.6>

Priljeno / Received: 20. prosinca 2023.

Prihvaćeno / Accepted: 1. ožujka 2024.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу романа З. Прилепина «Обитель», действие которого происходит предположительно в 1929 году на территории Соловецкого монастыря, где с 1923 года находился СЛОН. Представляется плодотворным сопоставить «Обитель» с художественным очерком Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», являющимся предтечей «лагерной темы» в истории русской литературы. При таком сравнительном анализе обнаруживается сходство как на уровне композиции, так и на уровне мотивов и образной системы. Несмотря на типологическую близость ситуаций, задачи, поставленные авторами, различны, что и приводит к абсолютно разным целям, более того, отношение авторов к героям, их мировоззренческая позиция оказывается абсолютно противоположной.

Особое внимание в статье уделено семантике названия романа, образу главного героя, несоответствию темы и жанра. Многочисленные реминисценции, обнаруженные в процессе исследования, отсылают к другим произведениям Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»,

«Братья Карамазовы»), позволяя более глубоко и объективно взглянуть на роман З. Прилепина.

Ключевые слова: лагерная проза, Соловецкий монастырь, обитель, Достоевский, жанр

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2014 году вышел роман Захара Прилепина (Евгений Николаевич Прилепин) «Обитель», удостоенный премии «Большая книга». Действие романа происходит предположительно в 1929 году на территории Соловецкого монастыря, в котором с 1923 года находился СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения, предшественник ГУЛАГА. С 1920 года на Соловках располагался лагерь принудительных работ (примерно 350 человек вместе с конвойными), с 1923 года на территории Соловецкого монастыря находился СЛОН, первый в советской стране лагерь. Социальный состав заключённых был многослойным, однако значительную его часть составляли так называемые «политические», духовенство и священники, офицеры белой гвардии, эсеры, интеллигенция.

Целью исследования является взгляд на роман «Обитель» через призму сравнения романа З. Прилепина с очерком Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», являющимся предтечей «лагерной темы» в истории русской литературы.

2. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье обобщены разные подходы, что обеспечило применение комплексного метода. Используются разные методы исследования, но прежде всего аналитический, сравнительно-сопоставительный и контекстуальный анализ. При сравнительном анализе обнаруживается сходство между указанными произведениями Ф.М. Достоевского и З. Прилепина, что будет продемонстрировано в статье, как на уровне композиции, так и на уровне мотивов и образной системы.

3. ОБСУЖДЕНИЕ

Жанр «лагерной прозы» начинается с Ф.М. Достоевского. Именно он стал первым русским писателем, прошедшим через ад острога и написавшим об этом опыте в очерковой прозе «Записки из Мёртвого дома» (1860–1962). Именно Достоевский открыл русскому читателю неведомую доселе страницу русской жизни, создав интереснейший человеческий документ – свидетельство очевидца. Представляется

более чем уместным сравнить роман З. Прилепина с очерками Ф.М. Достоевского. Подобное сопоставление не лишено смысла по очень многим причинам.

Фамилия главного героя «Записок из Мёртвого дома», от лица которого написан очерк, – Горянчиков, Александр Петрович Горянчиков. Его записки попали в руки автора, который после смерти Горянчикова их опубликовал.

Фамилия главного героя романа Прилепина – Горяинов, Артём Горяинов. Совпадение вряд ли случайно. Правда, Горянчиков – дворянин, получивший 10 лет каторги за убийство жены. Александру Петровичу около 35 лет, он бледный, худой, тщедушный. Это совсем не обаятельный, неуверенный в себе человек, ничтожный, на первый взгляд, мнительный, сломленный каторгой. Его отношения с каторжниками, в основном с представителями простого народа, складываются трудно, потому что он «чужак», его не признают.

Артём Горяинов, напротив, молодой, сильный, неглупый, но неуравновешенный, сотканный из противоречий, молодой человек лет 27, из Москвы, студент, бунтарь и индивидуалист. На протяжении романа он совершает разные, иногда взаимоисключающие друг друга поступки, рефлексивен. Принадлежит к интеллигенции. Артём и ничтожен, и благороден одновременно, и нежен, и жесток. Фамилии созвучны, но герои не похожи. Скорее, Артёма можно сопоставить с другим рассудочным героем Достоевского из романа, истоки которого восходят к пребыванию писателя на каторге.

Ф.М. Достоевский писал брату: «Не помнишь ли, я тебе говорил про одну *исповедь*-роман, который я хотел писать <...> Я задумал его на каторге, лёжа на нарах, в тяжёлую минуту грусти и саморазложения ...» (Достоевский 1928–1959: 608).

Сама фамилия героя семантически нагружена и выбрана удачно, так как допускает двойное толкование. С одной стороны, она ассоциируется и связывается со словами *горе, горевать, горячий, горький*, с другой, – *горячий, горящий*. Герой разрывается внутренними противоречиями, что символически выражено в звучании фамилии. И снова это напоминает. Итак, *Герасим Чистов, 27 лет от роду, из Москвы, убил топором кухарку и прачку, за что был осуждён* (Белов 1984: 13).

Из короткой газетной заметки, наравне с другими составляющими, вырос роман «Преступление и наказание», главным героем которого является недоучившийся студент Родион Раскольников. Артём Горяинов, изначально совсем не похожий на Горянчикова, но имеющий черты сходства с Раскольниковым, к финалу романа начинает приближаться к типологическому типу Горянчикова, начинает сливаться с другими лагерниками, становится невыразительным, молчаливым, обыкновенным. Он, больше, чем Горянчиков, сломлен, духовно и физически.

Ф.М. Достоевский незримо присутствует на страницах романа на уровне мотивов, типажей, полифонии, иногда имплицитно, а где-то достаточно явно. Например, повторяющийся образ солнца и связанный с ним мотив. «На улице стояло вечернее соловецкое солнце, пронизывая лучами тучи <...> и всё в воздухе казалось подслащённым» (Прилепин 2015: 182). Образ *заходящего солнца* является одним из постоянных в творчестве Ф.М. Достоевского не только в «Преступлении и наказании», но и в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы». В «Преступлении и наказании», например, читаем: «Небольшая комната <...> была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем» (Достоевский 1957: 10).

В.Н. Топоров считает, что «Закат у Достоевского – не только знак рокового часа, когда совершаются или замышляются решающие действия, но и стихия, влияющая на героя» (Топоров 2009: 398). Думается, что не без влияния Ф.М. Достоевского находим у З. Прилепина следующий фрагмент: «В Москве солнце заходит – как остывший самовар унесли. В Питере, – и Афанасьев махнул рукой куда-то в сторону, – как петровский пятак за рукав спрятали. <...> И только тут – как бритвой, – Афанасьев быстро чиркнул указательным пальцем возле шеи, по горлу...» (Прилепин 2015: 416).

Артём Горяинов в одну из решительных минут, стоя перед выбором, от которого будет зависеть его дальнейшая судьба, – остаться человеком или стать *стукачом*, ведёт бесконечный внутренний диалог с самим собой, выступая как бы в двух лицах, его сознание двоится, он мучительно размышляет как бы «выкрутиться»: «Артём размышлял обо всём одновременно, словно избегая думать о самом главном, – но эти попытки были тщетными. ” Солнце так светит <...> Как же люди могут полюбить Бога, если он один знает всё про твою подлость, твоё воровство, твой грех? Мы же всех ненавидим, кто знает о нас дурное?”»

(Прилепин 2015: 182). Позже владычка Иоанн предлагает Артёму Евангелие, от которого герой отказывается.

В Комментарии к роману «Преступление и наказание» С.В. Белов пишет, что «солнце всегда у Достоевского – символ “живой жизни”, символ воскресения героя. В ужасе Раскольникова перед солнцем и предчувствие гибели, гибели его мертворождённой теории, и в то же время предчувствие воскресения – воскресения души» (Белов 1984: 57). «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!.. – как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова» (Достоевский 1957: 10).

В «Преступлении и наказании», как подсчитал В.Н. Топоров, слово *странный* употребляется около 150 раз, создавая «атмосферу неожиданности, обманутого ожидания, неопределённости» (Топоров 1973: 237). В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский живописует «странность иных фактов» (Достоевский 1979: 7). Часто пользуется этим прилагательным и Прилепин. Сама атмосфера лагеря, его вид странны и неожиданны: посыпанные песком дорожки, клумбы с розами, фигура слона, выложенная белыми камнями на центральной клумбе. «Наши Соловки – странное место! <...> Это самая странная тюрьма в мире! <...> мы вот думаем, что мир огромен и удивителен, полон тайн и очарования, ужаса и прелести но у нас есть некоторые резоны предположить, что вот сегодня, в эти дни, Соловки являются самым необычайным местом, известным человечеству» (Прилепин 2015: 55). Прилагательное *странный* у Прилепина наполняется несколько иным смыслом, получает дополнительные контаминации: необычный, экспериментальный, чудесный.

В одном из монологов Эйхманиса содержится прямая отсылка к «Запискам из Мёртвого дома»: «Помню, у Достоевского на каторге были кандалы, а за провинности – их секли. Как детей. Вас секли тут? <...> И кандалов я на вас не вижу <...> Снимаете, что ли, на ночь?» (Прилепин 2015: 276).

Ф.М. Достоевский в «Записках из Мёртвого дома» подробно описывает в духе физиологической школы быт, обычаи и нравы острога, «совершенно нового мира, до сих пор неведомого, <...> некоторые особенные заметки о погибшем народе» (Достоевский 1979: 7). Начиная с описания самого острога, автор переходит к портретам каторжан, здесь есть и отдельные истории, кто и как

оказался на каторге, и характеристики основных типов преступников, и зарисовки эпизодов острожной жизни: работа, госпиталь, баня, театр (глава «Представление»), побег. Особое место занимает рассказ о каторжных животных. Сцена описания бани, сравниваемой с адом, – одна из самых ярких и запоминающихся в «Записках»: «если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» (Достоевский 1979: 121).

Эта схема в основных своих чертах повторяется в «Обители». Нет описания бани, она заменяется важным в фабуле романа эпизодом изготовления «соловецких и секирских веничков». Если у Достоевского баня, в которой «все это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу» (Достоевский 1979: 120), являет собой страшную картину, то у З. Прилепина сцена изготовления веников предстает весёлым развлекательным эпизодом. Однако позже за *страшную шутку* с вениками будут жестоко наказаны другие лагерники, но сказано об этом походя, почти за кадром.

Прочувствованный, пронизанный глубокими размышлениями и философскими обобщениями о самой сути русской жизни, рассказ Достоевского не может не вызывать ответного чувства сострадания у читателя, жалеющего обречённых каторжников и несчастных каторжных животных. Роман З. Прилепина грубо стилизован под документальный и исторический, кажется, что автор совсем не любит своих героев, не сострадает им, но в «Обители» настойчиво создаётся новый миф.

Кроме того, на трагическом фоне существования концентрационного лагеря Прилепин пишет авантюрный роман, где герой выходит «сухим из воды» в самых безвыходных обстоятельствах, когда это кажется невозможным по определению. Согласно постоянно звучащему в книге рефрену – «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу...» – герою действительно удастся «выживать» буквально чудом. Представляется, что тема и жанр не соответствуют друг другу. Именно это заставляет отнести к произведению Прилепина как к образцу массово-популярной литературы, а не считать его одним из самых значительных романов XXI века, как полагают некоторые критики (Бондаренко 2014).

Любопытно заметить, что Ф.М. Достоевский активно прибегал к элементам популярного жанра массовой литературы в своих философско-психологических произведениях. Сошлёмся здесь на М. Бахтина: «Нет, кажется, ни одного атрибута старого романа приключений, который не был бы использован Достоевским» (Бахтин 1979: 118).

И, конечно, евангельские мотивы, тема веры и безверия – центральные в творчестве Ф.М. Достоевского, так или иначе, звучат в романе «Обитель». Владычка Иоанн предлагает Артёму Евангелие, о вере говорит с ним Василий Петрович, Артёму снится, что к нему снисходит ангел, иногда он сам размышляет о Боге и несправедливом устройстве мира, но Артём – атеист, возможно, поэтому его жизнь так нелепо прерывается и спасения не происходит.

Никак нельзя согласиться с Владимиром Бондаренко, который в статье о романе «Власть соловецкая» пишет об Артёме, что «это, пожалуй, герой нашего русского времени ... Природный русский человек, подчёркнуто не идеологичный человек <... > остающийся нормальным русским человеком при самых разных условиях» (Бондаренко 2014). В том-то и дело, что Артём не выдерживает испытаний, пережитых в лагере, становится совсем другим, далёким от «нормального», человеком. Он мельчает, превращается в существо со стёртой внешностью и сломленным характером:

«Всё в лице Артёма стало мелким: маленькие глаза, никогда не смотрящие прямо, тонкие губы, не торопящиеся улыбаться <...> Жестикуляции нет» (Прилепин 2015: 686).

Герой «Записок из Мёртвого дома» выходит из острога, оставляет после себя посмертные мемуары; преступник и убийца Раскольников раскаивается, Артём Горяинов становится почти безымянным заключённым, сама его личность уничтожается, он незаметно уходит, растворяясь в пейзаже.

Родион Раскольников в эпилоге «Преступления и наказания» обретает любовь и приходит к вере. Артём Горяинов разочаровывается в любви, а веры и не было. Он обращается не к Богу, а к крысе: «Научи меня жить, крыса!» (Прилепин 2015: 659). Хочется подчеркнуть карикатурность и ёрничанье автора при описании повадок крысы.

«Та степенно приступила к трапезе: по-крестьянски, не суетясь, разве что не перекрестилась. Во всяком движении её сквозило достоинство и точность. Она никуда не торопилась и ничего не боялась» (Прилепин 2015: 658–659). И невольно возникла параллель с описанием манеры поведения Эйхманиса, который «по-хозяйски», «так точно, так убедительно жестикулирует, и за каждым словом стоит необычайная самоуверенность и сила» (Прилепин 2015: 225).

Персонажи З. Прилепина неоднозначны. Они мимикрируют, неожиданно предстают не теми, кем кажутся изначально. Например, Василий Петрович «представлял собой почти идеальный тип русского интеллигента <...> незлобивый, либеральный... с мягким юмором <...> слегка наивный и чуть склонный к сентиментальности ... но притом обладающий врождённым чувством собственного достоинства» (Прилепин 2015: 47). Много позже выясняется, что Василий Петрович служил в белой контрразведке, убивал людей. Поэт Афанасьев – обаятельный, простой, талантливый – оказывается карточным шулером, содержателем притона, в котором процветал игорный бизнес. Таковыми же, неожиданно оборачивающимися другой стороной и сутью, являются и Галина Кучеренко, и Бурцев, и Крапин. В романе нет положительных героев, автор не симпатизирует своим персонажам, считая, что каждый из них заслуживает наказания. «Пишут ещё, что здесь мучают заключённых, – продолжал Эйхманис <...> Отчего-то совсем не пишут, что заключённых мучают сами же заключённые <...>. Вы сами себя мучаете лучше любого чекиста!» (Прилепин 2015: 272).

Неприятно удивляет уважение и даже восхищение, которое испытывают герои (Артём, Захар, Галина) и автор к Ф.И. Эйхмансу (Эйхманис) – организатору и начальнику первого концентрационного советского лагеря. Артём неожиданно вынужден признаться себе в «чувстве, безусловно стыдном: в эту минуту Эйхманис ему по-человечески нравился» (Прилепин 2015: 225). И как тут не вспомнить антиутопию Джорджа Оруэлла «1984» и любовь, которую чувствует главный герой Смит к Большому Брату в финале романа одновременно с полным равнодушием к бывшей возлюбленной; допросы, образ крыс – все это напоминает Оруэлла с той лишь принципиальной разницей, что Оруэлл ненавидит этот режим и предупреждает о том, к какой чудовищной жизни он может привести, а З. Прилепин оправдывает и защищает.

Театр начинается с вешалки, а книга – с названия и обложки. Не зная заранее, о чём написал автор, а лишь прочитав или услышав заглавие ОБИТЕЛЬ, в голову могут прийти разные смыслы и трактовки, но только не «лагерная тема». Словарь С.И. Ожегова предлагает два значения этого многозначного слова: «1. Обитель – то же, что монастырь (устар.) *Древняя о.* 2. Место, где кто-н. живёт, жилище (устар. и шутил.) *Вот моя о.*» (Ожегов: 365). Т.е. обитель – это монастырь или место для жилья, но речь идёт о СЛОНе, о месте, где жизни нет, а то, что есть, жизнью назвать нельзя. Жильё – это дом, но тюрьма не может быть домом, разве «мёртвым». Словосочетание «Мёртвый дом» у Достоевского – оксюморон, место не для жизни. Достоевский приходит к мысли, что вся Россия – Мёртвый дом. Несколько позже эту мысль подхватит С. Довлатов в «Зоне»: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключёнными и надзирателями. <...> Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключённый годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы» (Довлатов 1993: 63). У З. Прилепина эта мысль трансформируется в утверждение, что «тут государство в государстве <...> Свои владения, свой кремль. Свои палаты, свои монахи. Своя армия, свои деньги. Своя газета, свой журнал. Своё производство. Свои парикмахеры и гетеры. Свои палачи...» (Прилепин 2015: 267).

Рассказывая о лагере, Прилепин избегает слова *лагерь*, он заменяет его словом *монастырь*, прекрасно зная, что Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, расположенный на четырёх Соловецких островах, существовал здесь до 1920 года, а затем был ликвидирован. Кстати, построенный в XV веке, монастырь уже с XVI века вплоть до начала XX-го был политической и церковной тюрьмой. Между тем, Прилепин, например, пишет: «Монастырь: 509 трёхаршинных сажен по кругу, высота девять метров, ширина – шесть. Восемь башен. Твердь!...» (Прилепин 2015: 265); «В майском или июньском мареве соловецкий монастырь, на подходе к нему, мог напомнить купель» (Прилепин: 575); «Издали монастырь был похож на корзину» (Прилепин: 745). Происходит некая логическая подмена понятий, когда слово не соответствует смыслу, означаемое и означающее не совпадают, такая своеобразная эвфемизация «по-прилепински», хотя о синонимии не может быть и речи, речь – о манипулировании читательским сознанием.

Один из персонажей, Василий Петрович, на первых страницах романа произносит фразу о спасении, вспоминая, как совсем недавно здесь, на территории монастыря, говорили монахи: «В труде спасаемся!». Затем, на следующей странице читаем, как над главными воротами, ведущими на территорию монастыря, вешают громадный плакат, трансформирующий мысль о труде: «Мы новый путь земле укажем. Владыкой миру будет труд!». В конце романа автор вновь транслирует лозунг в новой редакции: «Да здравствует свободный и радостный труд!». Однако ни спасения, ни, тем более, преобразования на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря не происходит, разве СЛОН превращается в символически звучащий СТОН.

Владимир Бондаренко в рецензии о романе замечает: «Насколько я знаю, у Артёма и Галины есть свои реальные прототипы. Любимый прадед Прилепина Захар – сам сидел в тех самых Соловках, много рассказывал о них позже деду и отцу писателя, так до нашего Захара докатилась история о необыкновенной любви красивой чекистки Галины Кучеренко и заключённого Артёма Горяинова» (Бондаренко 2014). Между тем, сам Прилепин в статье «Скучная, как антисоветская библиотека» рассказывает о своей семье: «В моей семье, восходящей к Липецкому уезду и Воронежской губернии, тоже не было репрессированных – а это огромный куст родственников: бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, и все многодетны» (Прилепин 2014: 16).

Итак, и Достоевский, и Прилепин знакомят нас с многоликими человеческими типами, однако насколько по-разному относятся авторы к своим героям. «Почитать рассказы про нас, так получается, что здесь одни политические <...> А здесь домушники, взломщики, карманники, воры-отравители, железнодорожные воры и воры вокзальные, воры велосипедов и конокрады, воры-церковники, магазинные воры, воры при размене денег <...> содержатели малин и притонов, скупщики краденного, фармазоны <...> А пишут ведь, что здесь сидят и принимают муку крестную лучшие люди России < ...> чекистов здесь больше, чем белогвардейцев» (Прилепин 2015: 273–274). Да, но в этом высказывании содержится не вся правда, так как большую половину составляли всё-таки священнослужители и зажиточные крестьяне, интеллигенция и бывшие дворяне, то есть – на языке того времени – враги народа.

Нельзя согласиться с мыслью одного из критиков о том, что «...и в Соловецком аду жили люди, и о том, что правда не однолинейна. Можно поэтому сказать, что перед нами роман о жизни и о правде» (Сухих 2015: 303). Автор «Обители» внушает мысль: о создании нового человека. «Здесь не тюрьма <...>. Здесь создают фабрику людей. Тогда людей сажали в земляные ямы и держали, как червей, в земле, пока они не подышали. А здесь даётся выбор: либо становись человеком, либо ...» (Прилепин 2015: 267). Впрочем, герой не договаривает, что будет при ином *либо*.

Некоторые суждения, звучащие в романе «Обитель», представляются не оригинальными. Так, например, сентенция: «Человек человеку – балан» заимствована из повести известного писателя Серебряного века А. М. Ремизова «Крестовые сёстры» (1910), в которой писатель вывел свою формулу современных отношений между людьми – «человек человеку бревно», а не волк. Это гораздо опаснее и страшнее, так как свидетельствует о тотальном равнодушии. З. Прилепин использует цитату, по сути, ничего не изменяя в высказывании А. М. Ремизова, ведь на уголовном жаргоне Соловков *балан* – это и есть длинное бревно, ствол, освобождённый от сучьев.

«Трагическая история одной любви», как сказано в аннотации, и не любовь вовсе. « – Ты никто, – всхлипывала Галя, – тут мог быть кто угодно – я выбрала тебя: пустое место <...>Ты самый ничтожный был...» (Прилепин 2015: 632), а чуть дальше герой думает, что «никакой любви у него к этой глупой женщине не было. И у неё к нему» (Прилепин 2015: 633). Из дневника Галины Кучеренко становится понятно, что она просто хотела отомстить Эйхманису «не с чекистом, не с конвойным, а вот с таким» (Прилепин 2015: 728). Совершить нечто назло, чтобы сделать больно любимому – это мотив, восходящий к Достоевскому. «Надрыв» Катерины Ивановны из романа «Братья Карамазовы», мотив мести и оскорблённой гордости. Катерина Ивановна – героиня, испытывающая своеобразное наслаждение от мучений, которые она приносит Ивану Карамазову, которого тайно любит, и надрыв от ненастоящей, придуманной ею любви к Дмитрию Карамазову.

Мотив отцеубийства также отсылает к Ф.М. Достоевскому. «Вот вы за что сидите, Артём? <...> – За убийство, – сказал Артём. – Бытовое? – быстро спросил Эйхманис. Артём кивнул. – Кого убили? – так же быстро и обыденно спросил Эйхманис. – Отца, – ответил Артём,

почему-то лишившись голоса. – Вот видите! – обернулся Эйхманис к Борису Лукьяновичу. – Есть и нормальные!» (Прилепин 2015: 226). Напомним, что мотив отцеубийства является центральной темой романа Достоевского «Братья Карамазовы». В «Записках из Мёртвого дома» писатель также постоянно возвращается именно к этому мотиву, хотя рассказчик – автор мемуаров – попал на каторгу за убийство любимой жены.

Необходимо заметить, что важная мысль Ф.М. Достоевского на протяжении всего творчества от «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых» – о вине и о возможности, даже необходимости взять на себя вину другого, «пострадать за других» – совершенно не знакома и не близка З. Прилепину.

Роман «Обитель» заканчивается чистой идиллией: «Скоро раздастся звон колокола, и все живые поспешат за вечерний стол, а мёртвые присмотрят за ними» (Прилепин 2015: 746). Любопытно сопоставить этот финал с предложением на последней странице «Записок из Мёртвого дома»: «Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома» (Достоевский 1979: 291).

Последняя фраза романа З. Прилепина – «Человек тёмный и страшен, но мир человеческий и тёплый» (Прилепин 2015: 746) – вызывает удивление, ибо данный тезис никоим образом не вытекает из предшествующего повествования, а логическая связь между этой фразой и предыдущей нарушена. Напомним, что последняя, XX, глава «Записок из Мёртвого дома» называется «Выход с каторги» и заканчивается она оптимистически: «Ну, с богом! «С богом!» — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мёртвых... Экая славная минута!» (Достоевский 1979: 292).

С лёгкой руки М. Бахтина принято называть романы Достоевского полифоническими. Может быть, риторические вопросы, которыми задается автор «Обители»: «Теперь я думаю: если бы я смотрел на всё случившееся изнутри другой головы, глазами Эйхманиса? Галины? Бурцева? Мезерницкого? Афанасьева? – это была бы другая история? Другая жизнь?» (Прилепин 2015: 743) – есть намёк на полифонию? Впрочем, едва возникнув, мысль о полифонии обрывается последним

вопросом, подразумевающим вполне однозначный ответ, отвергающий множественность точек зрения: «Или всё та же?» (Прилепин 2015: 743).

В «Некоторых примечаниях» в конце 3. Прилепин более 10 страниц посвящает «героической» биографии Эйхманса, так звучит настоящая фамилия руководителя первого концентрационного лагеря. Автор будто забывает об Артёме Горяинове, но пишет о Ногтеве, Троянском, О Бокии и Френкеле. Немного – о Шлабуковском, Моисее Соломоновиче, Борисе Лукьяновиче, даже об уголовнике Ксиве. Артём, казавшийся главным героем романа, удостоивается короткой скупой строки в предпоследнем абзаце. Подобный финал рождает подозрение по поводу главного героя романа «Обитель». Если считать, что главным или одним из главных героев является Эйхманис, то тогда название романа вполне логично: для Эйхманиса СЛОН, безусловно, ОБИТЕЛЬ.

Интрига закручена лихо, сюжет почти до конца приковывает внимание читателя, правда, больше годится для сценария. Автор не бесталанен, но вопрос об исторической достоверности, конечно, вызывает большие сомнения. Но «память – как простуда, от неё гудит голова и слезятся глаза» (Прилепин 2015: 987).

4. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Противоречивый персонаж Прилепина Артем сопоставляется с героями разных произведений Ф.М. Достоевского – «Записки из Мёртвого дома», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Метод изображения быта и нравов особого тюремного мира, портретов его обитателей во многих чертах повторяется, однако отношение авторов к героям прямо противоположно. Если Достоевский создал «человеческий документ», пронизанный состраданием к каторжанам, полный философских обобщений о русской жизни, то Прилепин сотворил новый миф и написал авантюрный роман, в котором нет положительных героев, его персонажи мимикрируют, а автор не симпатизирует героям, считая, что каждый из них заслуживает наказания. Особое внимание в статье уделено семантике названия романа и несоответствию темы и жанра.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на типологическую близость ситуаций, задачи, поставленные авторами, различны, что и приводит к абсолютно разным целям, более того, отношение авторов к героям, их мировоззренческая позиция оказывается абсолютно противоположной, что мы и пытались доказать в данном исследовании. Однако многочисленные реминисценции, обнаруженные в процессе исследования, отсылают к философско-психологическим романам Ф.М. Достоевского и позволяют более глубоко и объективно взглянуть на роман З. Прилепина.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, Михаил (1979). Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия.

Белов, Сергей Владимирович (1984). Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя / Под ред. Д. С. Лихачёва. Москва: Просвещение.

Бондаренко, Владимир (2014). Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель». URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlast-solovetskaia/> (дата обращения: 26. 1. 2024).

Довлатов, Сергей (1993). Собрание сочинений: В 3-х т., 1. Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс.

Достоевский, Федор Михайлович (1928–1959). Письма, I–IV, II / Под ред. А. С. Долинина. Ленинград–Москва: Academia, Гослитиздат.

Достоевский, Федор Михайлович (1957). Преступление и наказание: Собрание сочинений: В 10-и т., 5. Москва: Художественная литература.

Достоевский Федор Михайлович (1979). Записки из Мёртвого дома. Петрозаводск: «Карелия».

Ожегов, Сергей Иванович (1986). Словарь русского языка. Москва: Русский язык.

Прилепин, Захар (2014). Скучная, как антисоветская библиотека, в: 24 часа, 48 (1628).

Прилепин, Захар (2015). Обитель. Москва: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной.

Сухих, Ольга (2015). Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента, в: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 1, 297–304.

Топоров, Владимир Николаевич (1973). О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 225–302.

Топоров, Владимир Николаевич (2009). *Петербургский текст*. Москва: Наука.

Nataliia Strelnikova

Sankt-Peterburško elektrotehničko sveučilište „LETI“, Rusija
tashastre@mail.com

S ruskog prevela: Irena Mikulaco

Prilepinov roman *Manastir* i tradicija Dostojevskog

SAŽETAK

Članak je posvećen analizi romana Z. Prilepina *Manastir*, čija se radnja navodno odvija 1929. godine na području Soloveckog manastira, gdje se od 1923. nalazio SLON (Soloveckij logor / rus. СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения). Čini se plodotvornim usporediti ovaj roman s umjetničkim esejom *Zapisi iz Mrtvog doma* (*Zapiski iz Mërtvogo doma*) F. M. Dostojevskog, koji je preteča „logorske teme“ u povijesti ruske književnosti. Takvom komparativnom analizom otkrivaju se sličnosti na razini kompozicije i na razini motiva i slika. Unatoč tipološkoj sličnosti situacija, zadaci koje postavljaju autori različiti su, što dovodi do potpuno različitih ciljeva. Štoviše, stav autora prema likovima i njihova svjetonazorska pozicija pokazali su se u potpunosti suprotnima.

U članku se posebna pozornost posvećuje semantici naslova romana, slici glavnoga junaka, neusklađenosti teme i žanra. Brojne reminiscencije otkrivene tijekom istraživanja odnose se na druga djela F. M. Dostojevskog (*Zločin i kazna*, *Braća Karamazovi*), omogućujući dublji i nepristraniji pogled na roman Z. Prilepina.

Ključne riječi: logorska proza, Solovecki manastir, manastir, Dostojevski, žanr

1. UVOD

Roman Zahara Prilepina (Jevgenij Nikolajevič Prilepin) *Manastir* objavljen je 2014. godine i nagrađen nagradom „Velika knjiga“. Radnja romana smještena je u 1929. godinu, na teritoriju Soloveckog manastira u kojem se od 1923. godine nalazio SLON – Solovecki logor posebne namjene, preteča GULAGA. Od 1920. godine na Solovkama se nalazio logor prisilnoga rada (oko 350 ljudi s čuvarima), a od 1923. godine na teritoriju Soloveckog manastira nalazio se SLON, prvi logor u sovjetskoj zemlji. Socijalni sastav zatvorenika bio je raznolik, no značajan dio činili su tzv. „politički zatvorenici“, svećenstvo, bjelogardijski časnici, eseri i intelektualci.

Cilj je istraživanja sagledati roman *Manastir* kroz prizmu usporedbe romana Z. Prilepina s esejem F. M. Dostojevskog *Zapisi iz Mrtvog doma*, koji je preteča „logorske teme“ u povijesti ruske književnosti.

2. METODE ISTRAŽIVANJA

U članku su sažeti različiti pristupi koji su omogućili primjenu kompleksne metode. Korištene su različite istraživačke metode, ali prije svega analitička, komparativno-kontrastivna i kontekstualna analiza. U usporednoj analizi otkriva se sličnost između navedenih djela F. M. Dostojevskog i Z. Prilepina, što će biti demonstrirano u članku, kako na razini kompozicije, tako i na razini motiva i slikovnoga sustava.

3. RASPRAVA

Žanr „logorske proze“ započinje s F. M. Dostojevskim. On je bio prvi ruski pisac koji je prošao kroz pakao zatvora i napisao o tom iskustvu u esejskoj prozi *Zapisi iz Mrtvog doma* (1860 – 1862). Upravo je Dostojevski ruskom čitatelju otkrio nepoznatu stranicu ruskoga života, stvorivši zanimljiv ljudski dokument – svjedočanstvo očevica. Čini se više nego prikladnim usporediti roman Z. Prilepina s esejima F. M. Dostojevskog. Takva usporedba nije besmislena iz mnogih razloga.

Prezime glavnoga lika *Zapisa iz Mrtvog doma*, iz čijeg je lica esej napisan, jest Gorjančikov, Aleksandar Petrovič Gorjančikov. Njegovi zapisi dospjeli su u ruke autora koji ih je nakon Gorjančikove smrti objavio.

Prezime glavnoga lika Prilepinova romana je Gorjaninov, Artjom Gorjaninov. Poklapanje je malo vjerojatno slučajno. Istina, Gorjančikov je plemić osuđen na 10 godina robije zbog ubojstva žene. Aleksandru Petroviču je oko 35 godina, blijed je, mršav, sitan. On nije šarmantan, nesiguran je u sebe, beznačajan, na prvi pogled sumnjičav, slomljen robijom. Njegovi odnosi s robijašima, uglavnom s predstavnicima običnoga naroda, teško se uspostavljaju jer je „tuđinac“, oni ga ne priznaju.

Artjom Gorjaninov, nasuprot tome, mlad je, snažan, pametan, ali neuravnotežen, satkan od proturječja, mladić od 27 godina, iz Moskve, student, buntovnik i individualist. U romanu čini različite, ponekad međusobno isključujuće postupke, zrcalne. Pripada inteligenciji. Artjom je istovremeno i beznačajan i plemenit, nježan i okrutan. Prezimena su slična, ali likovi nisu. Prije bi se Artjom mogao usporediti s nekim drugim razumnim likom iz romana Dostojevskog, čiji korijeni sežu do boravka pisca na robiji.

F. M. Dostojevski pisao je bratu: „Sjećaš li se, pričao sam ti o jednoj ispovijesti-romanu koji sam namjeravao pisati... Smislio sam ga na robiji, ležeći na ležaju, u teškom trenutku tuge i samorazaranja...“ (Dostojevski 1928 – 1959: 608).

Prezime junaka semantički je opterećeno i dobro odabrano jer dopušta dvostruko tumačenje. S jedne strane, povezuje se s riječima *tuga*, *tugovati*, *zapaljiv*, *gorak*, s druge strane, *vruć*, *zapaljen*. Junak je rastrgan unutarnjim proturječjima, što je simbolički izraženo u zvučanju prezimena. I ponovno podsjeća na nešto. Dakle, *Gerasim Čistov, 27 godina, iz Moskve, ubio je sjekirom kuharicu i pralju, zbog čega je osuđen* (Belov 1984: 13). Iz kratke novinske vijesti, zajedno s drugim elementima, nastao je roman *Zločin i kazna*, čiji je glavni junak nedovršeni student Rodion Raskoljnikov. Artjom Gorjaninov, u početku potpuno različit od Gorjančikova, ali sličnih osobina Raskoljnikovu, do kraja romana počinje se približavati tipološkom tipu Gorjančikova, počinje se stapati s ostalim logorašima, postaje neprimjetan, tih, običan. On je, više nego Gorjančikov, slomljen, duhovno i fizički.

F. M. Dostojevski nevidljivo je prisutan na stranicama romana na razini motiva, tipova, polifonije, ponekad implicitno, a negdje sasvim očito. Na primjer, ponavljajući motiv sunca i s njim povezan motiv. „Vani je bilo večernje solovecko sunce, probijajući zrake kroz oblake <...> i sve u zraku se činilo zaslađenim“ (Prilepin 2015: 182). Motiv *zalazećeg sunca* jedan je od stalnih u stvaralaštvu F. M. Dostojevskog, ne samo u *Zločinu i kazni* već

i u romanima *Adolescent* i *Braća Karamazovi*. U *Zločinu i kazni*, na primjer, čitamo: „Mala soba <...> bila je u tom trenutku jarko obasjana zalazećim suncem“ (Dostojevski 1957: 10).

V. N. Toporov smatra da „zalazak kod Dostojevskog nije samo znak sudbonosnog trena kada se zbivaju ili smišljaju ključne radnje, već i stihija koja utječe na junaka“ (Toporov 2009: 398). Čini se da nije bez utjecaja F. M. Dostojevskog pronađen sljedeći odlomak kod Z. Prilepina: „U Moskvi sunce zalazi – kao da su odnijeli ohlađeni samovar. U Piteru, – i Afanasjev mahnu rukom negdje u stranu, – kao da su petrovski petak¹ sakrili u rukav. <...> I samo ovdje – kao britvom, – Afanasjev je brzo povukao kažiprstom po vratu...“ (Prilepin 2015: 416).

Artjom Gorjaninov u jednom od odlučujućih trenutaka, stojeći pred izborom o kojemu će ovisiti njegova daljnja sudbina – ostati čovjek ili postati doušnik – vodi beskonačni unutarnji dijalog sa sobom, kao da je podvojen, mučno razmišlja kako se „izvući“: „Artjom je razmišljao o svemu odjednom, kao da izbjegava misliti o najvažnijem, ali ti pokušaji bili su uzaludni. Sunce tako sja. <...> Kako ljudi mogu voljeti Boga, ako on jedini zna sve o tvojoj podlosti, tvojoj krađi, tvom grijehu? Mi mrzimo sve koji znaju loše o nama?“ (Prilepin 2015: 182). Kasnije mu vladika Ivan nudi Evandjelje, a glavni ga lik odbija.

U Komentaru romana *Zločin i kazna* S. V. Belov piše da je „sunce kod Dostojevskog uvijek simbol ‘živog života’, simbol uskrsnuća junaka. U užasu Raskoljnikov pred suncem i s predosjećajem da će poginuti, kao i njegova mrtvorodena teorija, u isto vrijeme predosjeća uskrsnuće – uskrsnuće duše“ (Belov 1984: 57). „I *tada*, dakle, sunce će isto tako sijati!.. – kao da slučajno prođe kroz misli Raskoljnikova“ (Dostojevski 1957: 10).

U *Zločinu i kazni*, kako je izračunao V. N. Toporov, riječ „čudan“ pojavljuje se oko 150 puta, stvarajući „atmosferu neočekivanosti, izigranih očekivanja, neodređenosti“ (Toporov 1973: 237). U *Zapisima iz Mrtvog doma* Dostojevski slikovito opisuje „čudnost nekih činjenica“ (Dostojevski 1979: 7). Ovim pridjevom često se koristi i Prilepin. Sama atmosfera logora i njegov izgled čudni su i neočekivani: posute pješćane staze, cvjetne gredice s ružama, figura slona napravljena od bijelog kamenja na središnjoj cvjetnoj gredici. „Naši Solovki su čudno mjesto! <...> Ovo je najčudniji zatvor na svijetu!<...> mi mislimo da je svijet ogroman i čudesan, pun tajni i očaranja, užasa i

1 Ор. prev. Петровский пятак (petrovskij pjatak) – kovanica od 5 kopjejk.

ljepote, ali imamo neke razloge pretpostaviti da su danas, ovih dana, Solovki najneobičnije mjesto poznato čovječanstvu“ (Prilepin 2015: 55). Pridjev *čudan* kod Prilepina dobiva nešto drugačije značenje, dobiva dodatne konotacije: neobičan, eksperimentalan, čudesan.

U jednom od monologa Ejhmanisa nalazi se izravna referenca na *Zapise iz Mrtvog doma*: „Sjećam se, kod Dostojevskog su u katorzi bili u okovima, a za prekršaje su ih tukli. Kao djecu. Jesu li vas tukli ovdje? <...> I ne vidim okove na vama <...> Skidate ih, valjda, noću?“ (Prilepin 2015: 276).

F. M. Dostojevski u *Zapisima iz Mrtvog doma* detaljno opisuje u duhu fiziološke škole svakodnevni život, običaje i moral zatvora, „potpuno novog svijeta, dosad nepoznatog, <...> neke posebne bilješke o poginulom narodu“ (Dostojevski 1979: 7). Počevši od opisa samog zatvora, autor prelazi na portrete zatvorenika, uključujući pojedinačne priče o tome tko je i kako završio na katorzi, obilježja glavnih tipova zločinaca, i skice epizoda zatvorskoga života: rad, bolnica, banja, kazalište (poglavlje *Predstava*), bijeg. Posebno mjesto zauzima priča o zatvorskim životinjama. Scena opisa banje, uspoređene s paklom, jedna je od najupečatljivijih i najnezaboravnijih u *Zapisima*: „ako ćemo svi mi zajedno ikad biti u paklu, ono će jako nalikovati ovom mjestu“ (Dostojevski 1979: 121).

Ova se shema u osnovnim crtama ponavlja u *Manastiru*. Nema opisa banje, zamijenjen je važnom epizodom u fabuli romana, izradom „solovečkih i sekirskih metli“. Kod Dostojevskog, banja u kojoj „sve urla i zvekeće, uz zvuk stotine lanaca koji se vuku po podu“ (Dostojevski 1979: 120), predstavlja strašnu sliku, dok kod Z. Prilepina scena izrade metli izgleda kao vesela, zabavna epizoda. Međutim, kasnije će za tu *strašnu šalu* s metlama drugi zatvorenici biti surovo kažnjeni, ali to je spomenuto usput, gotovo izvan kadra.

Dostojevski pripovijeda s osjećajem, prožet dubokim razmišljanjima i filozofskim generalizacijama o samoj biti ruskoga života, izazivajući kod čitatelja osjećaj suosjećanja prema osuđenim zatvorenicima i nesretnim zatvorskim životinjama. Roman Z. Prilepina grubo je stiliziran kao dokumentaran i povijesni, doima se kao da autor uopće ne voli svoje likove, ne suosjeća s njima, ali u *Manastiru* uporno stvara novi mit.

Osim toga, na tragičnoj pozadini postojanja koncentracijskoga logora, Prilepin piše avanturistički roman, gdje junak izlazi „suh iz vode“ u

najbezizglednijim okolnostima, kada se to čini nemogućim. Prema stalno ponavljajućem refrenu u knjizi – „Ne hodam po plišu i po baršunu, već hodam-hodam po oštrom nožu...” – junaku zaista uspijeva „preživljavati“ doslovno čudom. Čini se da tema i žanr nisu usklađeni. Upravo to navodi da se Prilepinovo djelo smatra primjerom masovne i popularne književnosti, a ne jednim od najznačajnijih romana XXI. stoljeća, kako smatraju neki kritičari (Bondarenko 2014).

Zanimljivo je primijetiti da je F. M. Dostojevski aktivno koristio elemente popularnoga žanra masovne književnosti u svojim filozofsko-psihološkim djelima. Pozvat ćemo se ovdje na M. Bahtina: „Čini se da nema niti jednog atributa starog avanturističkog romana koji Dostojevski nije koristio“ (Bahtin 1979: 118).

I, naravno, evanđeoski motivi – tema vjere i bezvjerja – središnji u stvaralaštvu F. M. Dostojevskog, na ovaj ili onaj način prisutni su u romanu *Manastir*. Vladika Ivan nudi Artjomu Evanđelje, o vjeri razgovara s Vasilijem Petrovičem, Artjom sanja da mu prilazi anđeo, ponekad i sam razmišlja o Bogu i nepravednom uređenju svijeta, ali Artjom je ateist, možda upravo zato njegov život tako nelogično završava i spasenje se ne događa.

Nikako se ne možemo složiti s Vladimirom Bondarenkom, koji u članku o romanu *Solovecka vlast* piše o Artjomu da je „to, možda, junak našeg ruskog vremena... Prirodni ruski čovjek, naglašeno neideološki čovjek <...> koji ostaje normalan ruski čovjek u najrazličitijim uvjetima“ (Bondarenko 2014). U tome je stvar, Artjom ne izdržava iskušenja kroz koja prolazi u logoru, postaje potpuno drugačiji, daleko od „normalnog“ čovjeka. On se smanjuje, preobražava se u biće s izbrisanim licem i slomljenim karakterom: „Sve je na licu Artjoma postalo sitno: male oči, koje nikada ne gledaju ravno, tanke usne, koje se ne žure smiješiti <...> Nema gestikulacije“ (Prilepin 2015: 686).

Junak *Zapisa iz Mrtvog doma* izlazi iz zatvora, ostavljajući iza sebe posmrtno memoare, zločinac i ubojica Raskolnikov kaje se, dok Artjom Gorjanov postaje gotovo bezimeni zatvorenik, njegova osobnost je uništena, on neprimjetno odlazi, rastvarajući se u pejzažu.

Rodion Raskolnikov u epilogu *Zločina i kazne* pronalazi ljubav i pronalazi vjeru. Artjom Gorjanov razočarava se u ljubavi, a vjere nikada nije ni imao. On se ne obraća Bogu, već štakoru: „Nauči me živjeti, štakoru!“ (Prilepin 2015: 659). Treba naglasiti karikaturalnost i sarkazam autora pri opisivanju

ponašanja štakora. „Ta je dostojanstveno pristupila trpezi: seljački, bez žurbe, gotovo da se nije prekrižila. U svakom njezinom pokretu osjećalo se dostojanstvo i preciznost. Nije se nigdje žurila i ničega se nije bojala“ (Prilepin 2015: 658-659). Nehotice se javlja paralela s opisom načina ponašanja Ejhmanisa, koji „kao gazda“, „tako točno, tako uvjerljivo gestikulira, i iza svake riječi stoji izvanredno samopouzdanje i snaga“ (Prilepin 2015: 225).

Likovi su Z. Prilepina višeslojni. Oni oponašaju, neočekivano se pokazujući drugačijima nego što su se u početku činili. Na primjer, Vasilij Petrovič „predstavlja gotovo idealan tip ruskog intelektualca <...> blag, liberalan... s blagim humorom <...> pomalo naivan i sklon sentimentalnosti... ali pritom posjeduje urođeni osjećaj vlastitog dostojanstva“ (Prilepin 2015: 47). Mnogo kasnije otkriva se da je Vasilij Petrovič služio u bijeloj kontraobavještajnoj službi i ubijao ljude. Pjesnik Afanasjev – šarmantan, jednostavan, talentiran – ispostavlja se da je varalica na kartama i vlasnik ilegalne kockarnice. Slično je i s drugim likovima, poput Galine Kučerenko, Burceva i Krapina, koji neočekivano pokazuju svoju drugačiju stranu i suštinu.

U romanu nema pozitivnih junaka; autor ne simpatizira sa svojim likovima, smatrajući da svaki od njih zaslužuje kaznu. „Još pišu da se ovdje muče zatvorenici, – nastavio je Ejhmanis, <...> Zašto nikada ne pišu da zatvorenici sami sebe muče <...>. Vi sami sebe mučite bolje nego bilo koji čekist!“ (Prilepin 2015: 272).

Neugodno iznenađuje poštovanje i čak divljenje koje junaci (Artjom, Zahar, Galina) i autor osjećaju prema F. I. Ejhmansu – organizatoru i vođi prvoga sovjetskog koncentracijskog logora. Artjom je neočekivano primoran priznati sebi „osjećaj, neosporno sraman: u tom mu se trenutku Ejhmanis sviđao kao ljudsko biće“ (Prilepin 2015: 225). I kako se ovdje ne sjetiti distopije Georgea Orwella *1984* i ljubavi koju glavni lik Smith osjeća prema Velikom Bratu u završnici romana, istovremeno s potpunom ravnodušnošću prema bivšoj ljubljenoj; ispitivanja, slika štakora – sve to podsjeća na Orwella, s bitnom razlikom da Orwell mrzi taj režim i upozorava na to do kakvog monstruoznog života može dovesti, dok ga Prilepin opravdava i brani.

Teatar počinje vješalicom, a knjiga naslovom i omotom. Ne znajući unaprijed o čemu je autor pisao, već kada pročitate ili čujete naslov *MANASTIR*, mogu se javiti različita značenja i interpretacije, ali nikako „tema logora“. Rječnik S. I. Ožegova nudi dva značenja ovog mnogostrukog pojma: „1. Samostan – isto što i manastir (zastarj.) *Drevni s. 2.* Mjesto gdje netko živi, nastamba

(zastarj. i šalj.) *Evo moje n.*“ (Ožegov: 365). Dakle, manastir (rus. obitel') može biti samostan ili mjesto stanovanja, ali ovdje se radi o SLON-u, mjestu gdje nema života, i ono što postoji ne može se nazvati životom. Obitavalište je dom, ali zatvor ne može biti dom, osim „mrtvima“. Fraza „Mrtvi dom“ kod Dostojevskog je oksimoron, mjesto koje nije za život. Dostojevski dolazi do zaključka da je cijela Rusija „Mrtvi dom“. Kasnije će tu misao preuzeti S. Dovlatov u *Zoni*: „Otkrio sam iznenađujuću sličnost između logora i volje. Između zatvorenika i nadzornika. <...> Bili smo vrlo slični i čak međusobno zamjenjivi. Gotovo svaki zatvorenik bio je prikladan za ulogu čuvara. Gotovo svaki nadzornik zasluživao je zatvor“ (Dovlatov 1993: 63). Kod Z. Prilepina ova se misao transformira u tvrdnju da „to je država u državi <...> Svoji posjedi, svoj kremlj. Svoje palače, svoji monasi. Svoja vojska, svoj novac. Svoj list, svoj časopis. Svoja proizvodnja. Svoji frizeri i kurtizane. Svoji krvnici...“ (Prilepin 2015: 267).

Govoreći o njemu, Prilepin izbjegava riječ *logor*, zamjenjujući je riječju *manastir*, iako dobro zna da je Spaso-Preobraženski Solovecki manastir, smješten na četiri solovecka otoka, postojao ovdje do 1920. godine, nakon čega je bio likvidiran. Usput rečeno, manastir je izgrađen u XV. stoljeću, a već je od XVI. do početka XX. stoljeća bio politički i crkveni zatvor. Međutim, Prilepin, na primjer, piše: „Manastir: 509 kubičnih aršina hvata po krugu, visina devet metara, širina – šest. Osam kula. Utvrda!..“ (Prilepin 2015: 265); „U svibanjskoj ili lipanjskoj magli, Solovecki manastir, dok mu se približavate, mogao je podsjećati na krstionicu“ (Prilepin: 575); „Izdaleka je manastir bio sličan košari“ (Prilepin: 745). Dolazi do neke logičke zamjene pojmova, kada riječ ne odgovara značenju koje označava, što je svojevrсна eufemizacija „na Prilepinov način“, iako nema riječi o sinonimiji, govorimo o manipulaciji čitateljskom sviješću.

Jedan od likova, Vasilij Petrovič, na početnim stranicama romana izgovara frazu o spasenju, prisjećajući se kako su nedavno monasi govorili ovdje, na teritoriju manastira: „U radu je spas!“. Zatim, na sljedećoj stranici čitamo kako iznad glavnih vrata koja vode na teritorij manastira visi ogroman plakat koji transformira ideju o radu: „Mi ćemo pokazati novi put zemlji. Vladar svijeta bit će rad!“. Na kraju romana autor ponovno prenosi slogan u novom izdanju: „Neka živi slobodan i radostan rad!“. Međutim, ni spasenja ni preobraženja na teritoriju se bivšeg Spaso-Preobraženskog manastira ne događaju, osim ako SLON ne postaje simbolički zvučeci STON.

Vladimir Bondarenko u recenziji romana primjećuje: „Koliko ja znam, Artjom i Galina imaju svoje stvarne prototipove. Omiljeni pradjed Prilepina Zahar – sam je sjedio na tim istim Solovkama, kasnije je puno pričao o njima djedu i ocu pisca, pa je do našeg Zahara došla priča o neobičnoj ljubavi lijepe čekistice Galine Kučerenco i zatvorenika Artjoma Gorjaninova“ (Bondarenko 2014). Međutim, sam Prilepin u članku *Dosadna kao antisovjetska knjižnica* govori o svojoj obitelji: „U mojoj obitelji koja potječe iz Lipeckog administrativnog okruga i Voronješke gubernije, također nije bilo represiranih – to je bio ogroman grm rođaka: bake i djedovi, prabake i pradjedovi, i svi s puno djece“ (Prilepin 2014: 16).

Dakle, i Dostojevski i Prilepin upoznaju nas s različitim ljudskim tipovima, ali autori se različito odnose prema svojim junacima. „Čitajući priče o nama, čini se da su ovdje samo političari <...> A ovdje su kradljivci po kućama, provalnici, džeparoši, lopovi-trovači, lopovi na željeznici i na kolodvorima, lopovi bicikala i kradljivci konja, lopovi koji kradu po crkvama, kradljivci trgovina, lopovi pri razmjeni novca <...> A pišu, dakle, da ovdje sjede i podnose muku Isusovu najbolji ljudi Rusije. <...> čekista je više nego bjelogardijaca“ (Prilepin 2015: 273-274). Da, ali u toj izjavi nije cijela istina, jer su većinu činili svećenici i bogati seljaci, intelektualci i bivši plemići, tj. riječima toga vremena – neprijatelji naroda.

Ne možemo se složiti s mišlju jednog od kritičara o tome da su „...i u soloveckom paklu *živjeli ljudi*, i o tome da *istina nije jednolinijska*. Stoga možemo reći da je pred nama roman *o životu i o istini*“ (Suhih 2015: 303). Autor *Manastira* usađuje misao o stvaranju novog čovjeka. „Ovdje nije zatvor <...>. Ovdje stvaraju tvornicu ljudi. Tada su ljude stavljali u zemljane rupe i držali ih, kao crve, u zemlji dok ne bi umrli. A ovdje se daje izbor: ili postani čovjek, ili...“ (Prilepin 2015: 267). No, junak ne dovršava što će se dogoditi u *suprotnom* slučaju.

Neka razmišljanja iz romana *Manastir* čine se neoriginalnima. Tako, na primjer, sentencija: „Čovjek je čovjeku – balvan“ posuđena je iz pripovijesti poznatog pisca Srebrnog vijeka A. M. Remizova *Križarske sestre* (1910), u kojoj formulira svoje viđenje suvremenih odnosa među ljudima – „čovjek je čovjeku brvno“, a ne vuk. To je mnogo opasnije i strašnije jer svjedoči o totalnoj ravnodušnosti. Z. Prilepin koristi citat, zapravo, ne mijenjajući ništa u izričaju A. M. Remizova, jer u kriminalnom žargonu Solovki balvan jest dugačko deblo, trupac, očišćeno od grana.

„Tragična priča jedne ljubavi“, kako je rečeno u sažetku, uopće nije ljubav. „- Ti si nitko, - jecala je Galja, - ovdje je mogao biti bilo tko - ja sam izabrala tebe: prazno mjesto <...> Ti si bio najbeznačajniji...“ (Prilepin 2015: 632), a nešto kasnije junak misli da „nikakve ljubavi nije bilo s njegove strane prema toj glupoj ženi. I s njezine prema njemu“ (Prilepin 2015: 633). Iz dnevnika Galine Kučerenco postaje jasno da se ona jednostavno htjela osvetiti Ejhmanisu „ne s čekistom, ne s čuvarom, nego s ovakvim“ (Prilepin 2015: 728). Učiniti nešto iz inata, kako bi povrijedila voljenog - to je motiv koji seže do Dostojevskog. „Slom“ Katarine Ivanovne iz romana *Braća Karamazovi*, motiv osvete i povrijeđenoga ponosa. Katarina Ivanovna junakinja je koja osjeća svojevrsno zadovoljstvo zbog muka koje donosi Ivanu Karamazovu, kojeg potajno voli, i slom zbog neiskrene, umišljene ljubavi prema Dmitriju Karamazovu.

Motiv oceubojstva također upućuje na F. M. Dostojevskog. „Zašto ste vi ovdje, Artjom? <...> - Zbog ubojstva, - rekao je Artjom. - Obiteljskog? - brzo je upitao Ejhmanis. Artjom je kimnuo. - Koga ste ubili? - jednako brzo i ravnodušno je pitao Ejhmanis. - Oca, - odgovori Artjom, iz nekog razloga ostavši bez glasa. - Vidite! - obratio se Ejhmanis Borisu Lukjanoviču, - Ima i normalnih!“ (Prilepin 2015: 226). Podsjetimo, motiv oceubojstva središnja je tema romana Dostojevskog *Braća Karamazovi*. U *Zapisima iz Mrtvog doma* pisac se također stalno vraća ovom motivu, iako je pripovjedač - autor memoara - dospio na robiju zbog ubojstva voljene žene.

Potrebno je primijetiti da važna misao F. M. Dostojevskog koja se provlači kroz cijelo njegovo stvaralaštvo, od *Zapisa iz Mrtvog doma* do *Braće Karamazovih*, o krivnji i o mogućnosti, čak nužnosti, preuzimanja krivnje drugoga, „patiti za druge“ - potpuno je nepoznata i daleka Z. Prilepinu. Roman *Manastir* završava čistom idilom: „Uskoro će zazvoniti zvono, i svi živi požurit će za večernji stol, a mrtvi će paziti na njih“ (Prilepin 2015: 746). Zanimljivo je usporediti ovaj kraj s rečenicom na posljednjoj stranici *Zapisa iz Mrtvog doma*: „Buban je odjeknuo, i svi su otišli na posao, a ja sam ostao kod kuće“ (Dostojevski 1979: 291).

Posljednja rečenica romana Z. Prilepina - „Čovjek je mračan i strašan, ali svijet je human i topao“ (Prilepin 2015: 746) - izaziva čuđenje, jer ta teza ni na koji način ne proizlazi iz prethodnoga pripovijedanja, a logička je povezanost između ove rečenice i prethodne narušena. Podsjetimo, posljednje, XX. poglavlje *Zapisa iz Mrtvog doma* zove se *Izlazak iz zatvora* i završava se optimistično: „Pa, zbogom! Zbogom!“ - govorili su zatvorenici

isprekidanim, grubim, ali kao da im je iz glasova zračilo zadovoljstvo. Da, zbogom! Sloboda, novi život, uskrsnuće iz mrtvih... Kakav divan trenutak!“ (Dostojevski 1979: 292).

S lakoćom M. Bahtina uobičajeno je nazivati romane Dostojevskog polifoničnim. Možda su retorička pitanja koja postavlja autor *Manastira*: „Sada mislim: ako bih gledao na sve što se dogodilo iznutra iz druge glave, očima Ejhmanisa? Galine? Burceva? Mezerickog? Afanasjeva? – bi li to bila drugačija priča? Drugačiji život?“ (Prilepin 2015: 743) – nagovještaj polifonije? Ipak, tek što se pojavila, misao o polifoniji prekida se posljednjim pitanjem koje podrazumijeva sasvim jednoznačan odgovor, odbacujući mnoštvo točaka gledišta: „Ili je ipak ista?“ (Prilepin 2015: 743).

U *Nekim napomenama* na kraju, Z. Prilepin posvećuje više od 10 stranica „herojskoj“ biografiji Ejhmansa, tako glasi pravo prezime nadzornika prvoga koncentracijskog logora. Autor kao da zaboravlja na Artjoma Gorjanova, ali piše o Nogtevu, Trojanskom, o Bokiji i Frenkelu. Malo o Šlabukovskom, Mojsiju Solomonoviču, Borisu Lukanoviču, čak i o kriminalcu Ksivi. Artjom, koji se činio glavnim junakom romana, zaslužuje kratku skromnu rečenicu u pretposljednem odlomku. Takav završetak rađa sumnju u glavnog junaka romana *Manastir*. Ako smatramo da je glavni ili jedan od glavnih junaka Ejhmanis, onda je naziv romana sasvim logičan: za Ejhmanisa SLON je, bez sumnje, MANASTIR.

Intriga je vješto isprepletana, radnja do kraja drži čitatelja prikovanog, iako bi bila prigodnija za scenarij. Autor nije netaleantiran, ali pitanje povijesne točnosti, naravno, izaziva velike sumnje. Međutim, „sjećanje je kao prehlada, od nje zuji u glavi i oči suze“ (Prilepin 2015: 987).

4. GLAVNI REZULTATI ISTRAŽIVANJA

Proturječni lik Prilepina, Artjom, uspoređuje se s glavnim likovima različitih djela F. M. Dostojevskog – *Zapisi iz Mrtvog doma*, *Zločin i kazna*, *Braća Karamazovi*. Metoda prikazivanja života i običaja posebnoga zatvorskog svijeta, portreta njegovih stanovnika u mnogim je aspektima slična, ali odnos autora prema junacima potpuno je suprotan. Dok je Dostojevski stvorio „ljudski dokument“, prožet suosjećanjem prema kažnjenicima, pun filozofskih generalizacija o ruskom životu, Prilepin je stvorio novi mit i napisao avanturistički roman u kojemu nema pozitivnih junaka, njegovi

likovi oponašaju, a autor ne simpatizira s likovima, smatrajući da svaki od njih zaslužuje kaznu. Posebna pozornost u članku posvećena je semantici naslova romana i neskladu između teme i žanra.

5. ZAKLJUČAK

Unatoč tipološkoj sličnosti situacija, zadaci koje su si postavili autori, različiti su, što dovodi do potpuno različitih ciljeva. Nadalje, odnos autora prema likovima i njihov svjetonazor potpuno je suprotan, što smo pokušali dokazati u ovom istraživanju. Međutim, brojne reminiscencije otkrivene tijekom istraživanja upućuju na filozofsko-psihološke romane F. M. Dostojevskog i omogućuju dublji i objektivniji uvid u roman Z. Prilepina.

Nataliia Strelnikova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», Russia
tashastrel@mail.ru

Prilepin's novel *Obitel* and Dostoyevsky traditions

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the novel "The Dwelling-place" ("Obitel") by Z. Prilepin, the action of which takes place presumably in 1929 at the Solovetsky Monastery territory, where SLON (Solovki prison camp) has been located since 1923. It seems fruitful to compare this novel with the feature article "Zapiski iz Mërtvogo doma" ("The House of the Dead") by F. M. Dostoyevsky, which is the forerunner of "the (concentration) camp theme" in Russian literature history. During such comparative analysis the composition as well as motives and figurative system similarity is found out. Despite of the situation's typological proximity, the authors' aims are quite different, which leads to diverse ends. Furthermore, the authors' attitude towards the heroes and their world outlook position turned out to be absolutely opposed.

Principal concern in the article was given to the novel's title semantics, main hero character, inconsistency between the theme and the genre. Numerous reminiscences, which had been found during the research, refer to other F. M. Dostoyevsky works ("Crime and punishment", "The Brothers Karamazov"), allowing us to look at Prilepin's novel more deeply and impartially.

Keywords: camp prose, Solovetsky Monastery, dwelling-place, Dostoyevsky, genre